

Василий Павлович Аксенов

даете эфир этой контре?»... Так что мы не должны забывать, что у нас за плечами»...

«Я вижу, что гзбисты здесь все больше в почете. Повод ли это, чтобы брезгливо относиться к представителям нынешней власти? ...Знаете, прежде в Америке, говоря о ком-то из русских, я как последний аргумент говорил: но ведь он же из КГБ! А американцы отвечали: «So what?» — что из того? ...У меня не уменьшилась брезгливость к выходцам из КГБ. Но у меня никогда не было к ним ненависти, только отвращение. Я пытаюсь найти беспристрастный подход. Без КГБ не было бы перестройки. Именно там решили, что пора демонтировать систему. Надо помнить о прошлом. Но не стоит ставить точку на человеке по причине его прошлых связей с этой организацией»...

НАДО ЛИ СЕЙЧАС УНОСИТЬ НОГИ ИЗ РОССИИ? НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ!

Василий Аксенов — о съемках многосерийного фильма «Московская сага», о 1968-м и о 2002-м

Шестидесятник, западник, пизжон — это о Василии Аксенове. Лидер молодежной «городской прозы» шестидесятых — тоже о нем. Улыбка с прищуром, хриловатый голос заядлого курильщика, которому невозможно без сигареты и пятнадцати минут чистый русский язык интеллигента и интонации «на повышение», выдающие американца... В Америке он живет уже двадцать один год, но, когда говорит о России, всегда говорит «мы». Начались съемки многотомной «Московской саги» Аксенова, по которой делают 12-серийный телефильм. Сначала «Сага» вышла в Америке, и лишь в середине 1990-х роман вернулся на родину: Аксенов пишет об основных событиях целой эпохи российской жизни — от «пореволюционного» до «оттепленного» времени, показывая их через историю одной московской семьи

«**М**осковская сага» — огромный кинопроект. Одних персонажей 283 человека. «Не представляю, как удержать их всех в руках? Кто-то может заболеть, запить, забеременеть — с актерами такое случается, знаете ли...» Актеры блестящие: Соломин, Чурикова, Александр Балуев, Чулпан Хаматова. В роли Сталина, возможно, Игорь Кваша. «Кто будет играть моего любимого героя, Лаврентия Павловича Берию, пока не знаю».

В Петербурге Аксенов пробыл всего день. «Приезжать в Петербург — все равно что возвращаться в студенческую молодость... Мои любимые места — Петроградская сторона — больше всего времени в молодости болтался здесь...» На этот раз времени нет. Всего день, и весь день — встречи, встречи, встречи.

Журналисты интересуются сиюминутным. О том и спрашивали. Вот отрывки монолога писателя.

«Я думаю, утрата интереса к либеральному движению в России в последнее время возникла потому, что либеральное движение здесь, по сути, еще и не начиналось. Становление демократии в России проходило однократно, странном образом. Все кинулось обогащаться или, там, ходить в ночные клубы, воображая, что это и есть демократия... Либерализм — это стройная концепция, ее надо изучать, в нее надо вживаться. Еще не было, по сути, серьезных попыток установить либеральное общество в России. Дай бог, что это еще впереди. Если еще не поздно. Надеюсь, не поздно»...

«Я уловил, что в разговорах здесь все чаще стало мелькать слово «вредный». Давал интервью «Эху Москвы», и на студию позвонил кто-то: «Зачем вы

«Владимир Владимирович — человек подвижный, умеющий приспосабливаться к среде. Среди западных дипломатов он один, среди российских генералов, натренированных на любимые русские напитки, — другой. Но почему он первым позвонил Бушу (после 11 сентября) и сказал: «Мы вас поддерживаем»? Наверное, думал в тот момент и о Чечне: мы вас поддерживаем здесь, а вы нас поддерживаете там... И все же его кругозор за последнее время расширился, он поехал по миру, почувствовал задачи, которые стоят перед Россией. Другое дело, что в домашней практике администрация Кремля создает ощущение озулкости. Нельзя же быть одновременно либералом для Запада и консерватором для домашних нужд — я имею в виду закрытие телевизионных станций, процессы сомнительного свойства над экологами, которых обвиняют в шпионаже»...

«До 1968 года (когда советские танки вошли в Чехословакию), у нас существовало романтическое ощущение необратимости движения к демократии, свободе. В 68-м стало ясно, что этому конец. Именно тогда возникла идея массовой эмиграции. Это было желание целого поколения, не мое лично. Мне до того такое даже в голову не приходило. В 68-м мы поняли, что здесь ничего уже нельзя сделать, надо уносить ноги. Пятистотысячная армия в Праге раздавила всех там и всех нас здесь, наши утопические надежды. Наступило колоссальное, страшное похмелье. Это связано с непомерным употреблением алкоголя этим поколением... Надо ли сейчас уносить ноги из России? Ни в коем случае! Сейчас совсем другое дело. Ситуация не безнадежна»...

● Записал Николай ДОНСКОВ Санкт-Петербург

Новая газ. 2002. - 4-6 апр. - с. 21.